

нового понтифика. Была ли тут, воля Господа в выборе нового Папы Римского, или же здесь был холодный расчет кланов, и самого ордена иезуитов, скорее всего общество так и никогда и не будет знать точно, но от двести шестьдесят шестого понтифика ждут радикальных перемен. В своей речи Папа Римский Франциск уже говорит о том, что надеется на тесное сотрудничество с ООН, по решению конфессиональных и других вопросов в современном обществе. Насколько новый папа будет прогрессивен, покажет время. Но судя по высказыванию исполняющего обязанности президента Венесуэлы Николаса Мадуря, венесуэльцы явно считают, что это воля Всевышнего и не как иначе, хотя опять же не стоит забывать, что красивые речи политиков в большинстве случаев только пиар-ход, но Латинская Америка не может не обрадоваться такому повороту истории. «Мы знаем, что наш коменданте попал на небеса и сейчас находится рядом с Христом. И что бы он сделал что-то такое, что бы папой стал латиноамериканец. Христос сказал: пришло время Латинской Америки» - Николас Мадуря.

Не смотря ни на что, личность Папы Римского уникальна! Какой еще человек на планете земля официально направляет не только «тела» людей, но и их «души».

Литература

1. Вести. Россия 24. <http://www.vesti.ru/>
2. Хронос. Всемирная история. http://hrono.ru/biograf/bio_p/papstvo.php
3. Официальный сайт Ватикана. <http://www.vatican.va/>
4. Радио Ватикана. <http://www.radiovaticana.va/>
5. Церковь, Русь и Рим. <http://www.dorogadomoj.com/dr89voe/dr89voe274.html>
6. Четвирикова Ольга «Измена в Ватикане или заговор пап против христианства»; Исторические сенсации; Эксмо, М.,2011.
7. Metro. Мировые новости. <http://www.metronews.ru/novosti/byvshij-sekretar-rasskazal-o-haraktere-novogo-papy-rimskogo/Трмсн---b8SkIVqNLp6Q/>
8. Эксперт. <http://expert.ru/2013/03/14/u-rima-est-papa/>
9. RT. На русском. <http://russian.rt.com/Europe/1654>
10. Corriere della sera. It. <http://www.corriere.it/>
11. La Stampa.it. <http://www.lastampa.it/>

*Горюнов Валерий Павлович,
д.ф.н., профессор кафедры философии
Санкт-Петербургского государственного
политехнического университета*

ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РИСКА И УПРАВЛЕНИЯ

Исходная методологическая позиция в рассмотрении общества состоит в определенном ответе на вопрос о том, может или не может общество (человек как вид) полностью обеспечить себя необходимыми ресурсами жизни, то есть обеспечить полное выживание всех своих членов, подразумевая под полным выживанием принципиальную возможность для каждого отдельно взятого индивида прожить всю жизнь, продолжительность которой определяется его естественными особенностями и достижениями цивилизации. Критерием принципиальной возможности полного обеспечения общества ресурсами жизни является отсутствие необходимости внутривидовой борьбы за их распределение.

На каждой очередной ступени материально-технического развития имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только

не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства. Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественно-природного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них. В целом материально-техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат.

Таким образом, совокупная масса человеческих ресурсов, расходуемых на осуществление процесса производства, растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может “преодолеть” данную техносциальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке производимых и необходимых ресурсов жизни. Соответственно, стержневую основу технического прогресса, понимаемого как прогресс в подчинении природы человеку, составляет прогресс в подчинении человека человеку.

Главное социальное отношение господства и подчинения, бытие людей в отношениях друг с другом в качестве цели и средства составляет столь же необходимое условие осуществления материального производства, как и техника, – это две равноправные и неразрывно связанные стороны процесса производства. Данное общественное отношение цели и средства само по себе, как таковое, не зависит от уровня материально-технического развития и всегда остается базовым элементом любой социальной системы. В ходе технического прогресса меняются лишь его исторические формы, и именно в этих пределах детерминации можно говорить об определяемости производственных отношений характером и уровнем развития производительных сил. Что касается *социальных революций*, то они сводятся к перераспределению мест в системе социальной дифференциации, не будучи в состоянии упразднить ее в принципе.

Материально-техническое развитие общества не имеет принципиальных пределов ни по источникам потенциальных ресурсов жизни в природе, ни по интеллектуальным способностям людей вовлекать эти ресурсы в производственный оборот и управлять отходами жизнедеятельности. Следовательно, нет абсолютного экологического порога в существовании социума. Однако фактор случайности при внедрении новых производственных, медицинских и социальных технологий становится более значимым по мере увеличения степени целостности общества. Говорить об абсолютном уменьшении его устойчивости было бы недиалектично, но сохранение неопределенности и следующего из нее риска представляется несомненным.

В сфере материально-технического развития это:

экологический риск – истощение сырьевых и энергетических ресурсов, загрязнение окружающей природной среды при увеличении масштабов

непредвиденных отрицательных следствий, а в целом – возможность достижения абсолютного экологического порога в материально-техническом развитии общества;

техничко-экономический риск – исчерпание технологического способа жизни, выражающееся в достижении пределов положительной эффективности авансируемого труда (относительный предел материально-технического развития), а также достижение абсолютного предела в разработке новых средств расширенного воспроизводства ресурсов.

В социальной сфере это:

непрерывное накопление материальных средств социальной борьбы (увеличение их совокупной массы и мощности) при объективной невозможности ее преодоления вообще или перехода к ненасильственному решению социальных конфликтов в частности, – иначе говоря, достижение того предела эффективности средств материального подавления, за которым их применение становится обоюдно опасным.

В конечном счете, речь идет об общем неравновесном состоянии материально-технической сферы общества, о цикличности материально-технического развития, связанной со сменой уровней производственно-природного равновесия, когда можно говорить, с одной стороны, об относительности положительных и отрицательных следствий материально-технической деятельности людей, а с другой – об абсолютном возрастании степени риска по мере все большего выхода общества за пределы естественно-природного равновесия.

В функционировании технических систем нет объективной неизбежности катастроф, но действует объективная случайность как форма проявления необходимости. Сбои в функционировании техники происходят в пределах статистической вероятности, определяемой состоянием технических систем (надежность конструкции, степень изношенности), свойствами среды функционирования, качеством подготовки и состоянием человека в период взаимодействия с техническим средством. Эти показатели в своем единстве определяют вероятность технологических аномалий, причины которых классифицируют как природные, техногенные и человеческие.

Возрастает ли риск в общем процессе материально-технического развития? В абстрактной схеме это модель соревнования снаряда и брони. Но каково фундаментальное изменение положения техники, обеспечивает ли она неограниченное выживание и какова историческая динамика рисков: остаться без энергии, задохнуться, погибнуть от голода и пр.? Социальная дифференциация, деление людей на цель и средство делает все это относительным. Проблема переходит на другой уровень – неизбежны ли социальные катаклизмы?

Критерий общественного прогресса, не выразимый ни в типе техники, ни в форме социальной организации, ни в объеме знаний и духовной устремленности, в конечном счете, сводится к одному показателю – способности к выживанию общества, не имеющему каких-либо абсолютных значений с точки зрения пространства и времени. В свою очередь, в общественном развитии всегда сохраняется возможность утраты этой способности, что и составляет интегральное содержание социального риска.

Устойчивость, запас прочности выживания, – вот главный показатель для человечества в целом, здесь не может быть никаких ценностных суждений, поскольку по техносциальной формуле благополучная, ровная жизнь возможна только на основе дезорганизации другой жизни. Рост общественного богатства происходит по схеме построения печально известной финансовой пирамиды, поддерживаемой увеличивающимся притоком новых вкладчиков, то есть за счет расширения такого же притока дополнительной рабочей силы на основе расширенного воспроизводства народонаселения. Однако, в отличие от абсолютной предельности размера пирамиды в соответствии с числом потенциальных вкладчиков, рост общественного богатства не имеет какого-либо достоверно установленного предела в силу отсутствия достоверно установленных пределов ресурсного потенциала природы.

Современное общество имеет две тенденции развития, содержит в себе две основные модели – централизм и либерализм. Возможности роста, технического прогресса толкают к либерализму; невозможность всеобщего обеспечения средствами жизни, отбраковывание человеческого материала, осознание неравенства толкают к централизму. Преобладание черт той или иной модели определяется положением общности среди других общностей: либерализм – в господствующих общностях, централизм – в подчиненных.

Либерализм есть форма насилия, отношения “цель – средство”, устанавливаемого и регулируемого преимущественно экономически. Однако, для того, чтобы превратить одних людей в средство для других, чисто экономических способов принуждения недостаточно, поскольку экономические отношения характеризуются симметричной взаимозависимостью продавца и покупателя. Противоположность централизма и либерализма относительна в том смысле, что они различаются не по отсутствию в одном случае и наличию в другом случае социальной дифференциации в обществе, а по механизму ее регулирования. Централизм предполагает приоритет власти по отношению к собственности, тогда как либерализм означает приоритет собственности по отношению к власти. Но, в конечном счете, власть и собственность не существуют раздельно и в своем единстве представляют собой господство одних людей над другими. Иначе говоря, сами по себе централизм и либерализм не являются ни добром, ни злом. Их оценка зависит от конкретных параметров геоисторической формулы общности, прежде всего от характера и соотношения ее внутренней и внешней социальной дифференциации. В абстракции до конца выдержанный, крайний либерализм предполагает войну всех против всех, в которой не может быть единых правил, ставящих всех участников войны в равные условия, государство здесь просто излишне. Централизм, напротив, предполагает власть государства над всеми. Однако в действительности в том и другом случае государство является орудием осуществления власти одних людей над другими.

При устойчивом развитии централизм и либерализм не являются альтернативами, проблема выбора между ними связана, прежде всего, с переживанием обществом кризиса, когда сами централизм и либерализм рассматриваются в качестве радикальных средств его преодоления, выступая по отношению друг к другу как болезнь и лекарство. Для жизни сильной, социально сплоченной общности противопоставление централизма и либерализма столь же

отвлеченно и несущественно, как противопоставление лечебных методик для здорового человека.

В абсолютистской социально-теоретической модели общества правовая и нравственная нормативность человеческого поведения обосновывается тем, что допускается возможность абсолютного выживания каждого индивида при относительных различиях способов самого проживания в соответствии с индивидуальными различиями людей по способностям или просто по стечению обстоятельств. Следовательно, в абсолютистской модели общества отсутствует объективная основа нарушения социальной нормативности, прежде всего – правовой. Имеющаяся в этой модели система права целостна и непротиворечива, в соответствии с чем преступление рассматривается в буквальном смысле, т.е. как абсолютно антиобщественное действие (умышленное или неумышленное, рациональное или иррациональное), как проявление социальной патологии, девиации, независимо от породивших ее причин.

Правовая нормативность имеет объективные основания в релятивистской модели общества и вытекает из самой техносоциальной формулы общества, по которой ему объективно присуща социальная дифференциация в качестве фундаментального общественного отношения. Социальная дифференциация не ограничивается различиями в способах проживания, а выражается в различиях по возможностям выживания как такового. Иначе говоря, когда одна жизнь необходимо базируется на разрушении другой, преступление имеет объективные основания и является нормальным фактом социального бытия, с какой бы стороны его, преступление, ни рассматривали, будь то преступление против установленного закона или признание преступным самого закона. В релятивистской модели само выживание может рассматриваться как преступление, но, в отличие от абсолютистской модели, – не поддающееся ценностному измерению. В релятивистской модели оно рационально, а в абсолютистской – иррационально.

Таким образом, существование права обусловлено наличием социальной дифференциации общества. Вне социальной дифференциации, т.е. в рамках естественной дифференциации, отношения между людьми регулируются естественным путем. Процесс социальной дифференциации регулируется правом и оценивается по нормам морали, хотя социальная дифференциация, как таковая, не поддается ни морально-ценностному, ни рационально-правовому определению, – сама по себе она не может быть ни справедливой или несправедливой, ни законной или незаконной. При этом законность и справедливость не совпадают.

Действенность правовой и политической систем – коренной вопрос существования общности, ибо борьба за выживание осуществляется только как групповая, межобщностная борьба. Поэтому чем лучше организована общность, тем она сильнее и живучее.

Человеческий способ жизни базируется на управлении, сущность которого составляет организующее насилие. Управление, как особое явление бытия, присуще только обществу, поскольку, во-первых, в обществе не достает природной самоорганизации для обеспечения его выживания, и именно управление обеспечивает целостность его функционирования и развития на всех уровнях; во-вторых, в силу действия техносоциальной формулы общества, обуславливающей фундаментальность отношений господства и подчинения и

вытекающую из этого насильственную природу управления. Управление – это всегда усилие, напряжение, без которого управляемая система угасает и распадается.

Управление необходимо там, где имеется дефицит ресурсов, оно предполагает постоянное принятие решений, составляющих организационную основу общественной жизни, ее главное содержание. Вне сферы действия техносоциальной формулы (отношения “цель – средство”) нет решений, ибо сущность решения состоит в выборе, определении приоритета – кто и в каком качестве остается в жизненном пространстве, а кто выбывает? То есть, принятие решения есть определенное решение техносоциальной формулы, наполнение ее конкретным содержанием. Управление – это всегда принуждение, оно соткано из решений, в основе которых лежит выбор приоритетов в ходе регулирования социальной дифференциации как внутри управляемой системы, так и в ее взаимодействии с другими системами.

Опосредованность отношений господства и подчинения выражается в нормативном характере общественной жизни. Нормативность – это давно отмеченный и ставший классическим признак социальности. Однако недостаточно или вовсе не отмечено, что нормативность вытекает не просто из организованности в связи с разделением труда, а из социальной дифференцированности. Нормы устанавливаются не для всеобщего удобства жизни и не всеобщим соглашением, а в борьбе, – они навязываются обществу господствующими социальными силами на всех уровнях социального взаимодействия – от межличностного до межобщинного. Все это позволяет прийти к выводу, что социальность есть особая форма отношений борьбы за существование вне пределов естественно-природного равновесия, организация общественной жизни по поводу выживания.

Организационно-технологический расчет материально-технической системы сам по себе не является собственно управлением, – последнее состоит, прежде всего, в социальном регулировании материально-технического развития, придании определенного характера материально-технической целостности. Управление обществом, в конечном счете, сводится к управлению системой социальной дифференциации: именно она задает структуру целевого потребительского комплекса, а через него и всей материально-технической системы, выступая тем самым в качестве движущей силы материально-технического развития.

Централизм и либерализм различаются по критериям и способам оценки достигнутых результатов, по самому механизму их определения. Централизм означает сугубо иерархическую персонализацию управления – безраздельную персональную власть в подведомственной области, будь то территория или социальная структура, и сугубо адресную персональную ответственность перед вышестоящей властью. Классическими примерами персональной власти и персональной ответственности за все, что происходит в общности, были монархическая и партийная система власти в России, ответственные перед «верхами» и безответственные перед «низами». Такая система личной власти и ответственности представляет собой жесткую вертикаль, стержень, нанизывающий и пронизывающий общество. В условиях централизма непосредственным результатом деятельности, от которого зависит получаемое благо, является не столько его предметное выражение, сколько оценка

деятельности со стороны вышестоящего элемента командно-административной системы (вышестоящей инстанции). В сфере действия данной системы не столь важно, что конкретно сделано, важно, чтобы было одобрено «сверху». Вся деятельность насквозь подчинена этому, вся социальная конкуренция сводится к борьбе за вышестоящее мнение.

Либерализм характеризуется качественно иной схемой персонализированного управления, когда система вертикали власти имеет форму не иерархического стержня, а монолитной пирамиды, за счет чего власть на всех уровнях остается ответственной именно перед управляемой общностью. В условиях либерализма результат определяется его востребованностью обществом. Реальное выражение оценки осуществляется уже не в системе иерархических отношений, а в системе реального потребления.

Нет хороших и плохих социальных устройств, есть сильные и слабые общности.

*Гришечкина Наталья Васильевна,
к.ф.н., доцент кафедры философии,
гуманитарных наук и психологии
Саратовского государственного медицинского
университета имени В.И. Разумовского*

ВЛАСТЬ МЕДИЦИНЫ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Анализируя состояние современного общества, У. Бек выделил фактор, являющийся в нем ведущей силой социальных изменений. Этим фактором является риск, который активно формирует наше понятие о здоровье, отношение к технологии и ответственности, стремление к совершенству. Используя концепт «общество риска», Бек констатирует наличие нового состояния общества, которое не может быть принято или отвергнуто как вариант развития, а является неизбежным. Существенным признаком данного состояния общества является производство рисков, способных подорвать и уничтожить основы самой социальной системы.

«Наложение» и диффузность социальных институтов оказываются важными социальными параметрами общества риска. На сегодняшний день это особенно актуально для пространства медицины, в котором срачиваются институты науки, образования и профессии. Данный процесс, характерный для внутриинституционального пространства медицины усложняется новым качеством взаимодействия с внеинституциональными пространствами, его можно определить как процесс трансинституализации. Для него характерны выход за рамки институционального поля, расширение пространства института и включение в институциональное поле организационных признаков других институтов.

Если общество модерна создает медицину как институт, способствует его структурно-иерархическому развитию так сказать по вертикали, то «общество риска» переводит его развитие в новую – горизонтальную плоскость. Ключевым термином для объяснения данного процесса, характерного в целом для современной динамики социальных институтов, оказывается используемое Штомпкой понятие «сеть». Именно оно, в интерпретации М. Кастельса,